

Пролог

Аэропорт Бомбея, 23 января 1966 года, 3 часа ночи. Последние пассажиры рейса № 101 авиакомпании «Эйр Индия» бегут по бетону и поднимаются по трапу в «Боинг-707». В опустевшем зале вылета стоят рядом двое, глядя через стекло на летное поле.

— Что в конверте?

— Вам лучше этого не знать.

— Кому я должен его передать?

— Во время посадки в Женеве вы отправитесь в бар, остановитесь у стойки и закажете себе выпить. К вам подойдет человек и предложит угостить вас джин-тоником.

— Я не пью спиртного, сэ.

— Тогда просто любуйтесь стаканом. Собеседник назовется Арнольдом Кнопфом. Полагаюсь на

ваше умение хранить тайну — знаю, вам его не занимать.

— Мне не нравится, что вы используете меня для своих делишек.

— С чего вы взяли, что это «делишки», дорогой Адеш? — Тон Джорджа Эштона был далек от любезности.

— Хорошо, но после этой командировки мы квиты. Вы в последний раз используете индийскую дипломатическую почту в личных целях.

— Я сам решу, какой раз будет последним. Для вашего сведения, в том, что я вас прошу сделать, нет ничего личного. Не опоздайте на самолет, я получу нагоняй, если опять придется задерживать вылет. Отдохните в полете, что-то вы неважно выглядите. Через несколько дней вы будете участвовать в конференции ООН в Нью-Йорке. Везет вам, лично меня уже тошнит от вашей здешней кормежки, иногда даже снятся сочные хот-доги с Мэдисон-авеню. Полакомьтесь там вкусеньким за мое здоровье.

— Я не ем свинины, сэр.

— Вы действуете мне на нервы, Адеш. Ладно, счастливого пути!

Адеш Шамаль так ни с кем и не встретился в баре Женевского аэропорта. После двух посадок — в Дели и в Бейруте — самолет снова взмыл в воздух в 3 часа ночи. После взлета оказалось, что барах-

лит один из двух бортовых радионавигационных приборов.

В 6 ч. 58 мин. 54 сек. командир экипажа получил от регионального диспетчерского центра в Женеве разрешение спуститься за Монбланом на уровень 190.

В 7 ч. 00 мин. 43 сек. командир экипажа доложил, что оставил позади Монблан и начинает снижение для посадки в Женеве. Диспетчер немедленно ответил, что координаты борта неточны и что на самом деле от горного кряжа его отделяют еще пять миль. В 7 ч. 1 мин. 6 сек. командир доложил, что сообщение диспетчера получено.

Утром 24 января 1966 г. в 7 ч. 2 мин. 00 сек. рейс «Эйр Индия» № 101 на целую минуту застыл на радаре диспетчера неподвижной точкой, после чего исчез.

«Боинг-707», получивший название «Канченджанга», врезался в скалы Турнет на высоте 4670 метров. Никто из 11 членов экипажа и 106 пассажиров не выжил.

Итак, спустя шестнадцать лет после катастрофы «Малабар Принцесс» еще один лайнер авиакомпании «Эйр Индия» разбился на горе Монблан в том же самом месте.

24 января 2013 г.

Гору завалило снегом, ураганный ветер гнал густую поземку, видимость приближалась к нулевой. Двое альпинистов, соединенные страховкой, с трудом могли разглядеть собственные руки. Двигаться в этой белой клубящейся мгле стало невозможно.

Вот уже два часа Шамир мечтал о том, чтобы повернуть назад, но упрямица Сьюзи все шла и шла вперед, пользуясь тем, что вой ветра не позволял ей слышать его настойчивые призывы отказаться от восхождения и спуститься. Разумнее всего сейчас было бы остановиться, вырыть яму в снегу и спрятаться в ней. При такой скорости передвижения они все равно до темноты не успели бы добраться до укрытия. Шамир замерз, лицо по-

крылось инеем, руки и ноги начали неметь, и это его тревожило. Альпинизм может очень быстро превратиться в игру в прятки со смертью. У гор не бывает друзей, для них все пришлые – чужаки. Когда горы не хотят кого-то к себе впускать, с этим нужно смириться. Шамир злился: неужели Сьюзи забыла все, чему он учил ее, прежде чем пойти с ней в горы?

Однако на высоте 4600 метров в разгар снежного бурана жизненно необходимо сохранять хладнокровие, поэтому Шамир принялся искать среди своих воспоминаний такое, которое подействовало бы на него как успокоительное.

Прошлым летом они со Сьюзи тренировались на пике Грейс в Национальном лесном заповеднике Арапахо. Но горы Колорадо сильно отличаются от Альп, тамошние климатические условия не идут ни в какое сравнение с тем, с чем они столкнулись сейчас.

Восхождение на пик Грейс послужило поворотным пунктом в их отношениях. Вернувшись в долину, они остановились в маленьком мотеле в Джорджтауне, впервые поселившись вместе. Мотель был самый заурядный, зато постель в номере громадная, и они провели в ней два дня подряд. Два дня и две ночи они лечили тела друг друга от ран, нанесенных горами. Порой бывает достаточно едва ощутимого движения, простого внимания, чтобы убедить себя, что ты нашел родственную душу. Именно так и случилось с Шамиром.

Прошел год с тех пор, как Сьюзи, сияя обворожительной улыбкой, появилась у него на пороге. В Балтиморе и его окрестностях улыбочивые люди — редкость.

— Похоже, вы — лучший инструктор по альпинизму во всей стране!— произнесла она вместо приветствия.

— Даже если бы это было правдой, гордиться все равно нечем: Мэриленд плоский, почти как пустыня. Его наивысшая точка находится на отметке тысяча с чем-то метров, туда самостоятельно забрался бы пятилетний ребенок...

— Я прочла у вас в блоге отчет о ваших экспедициях.

— Чем могу быть вам полезен?— спросил Шамир.

— Мне нужен проводник и терпеливый инструктор.

— Я — не лучший альпинист в стране и не беру учеников.

— Возможно, но я в восторге от вашей техники и ценю простоту ваших приемов.

Не дожидаясь приглашения, Сьюзи проскользнула к нему в гостиную, где и объяснила причину своего прихода. Ей захотелось стать за год опытной альпинисткой — это притом что, как она призналась, ей ни разу не приходилось подниматься в горы.

— Почему сейчас? Почему так быстро? — поинтересовался Шамир.

— Некоторые слышат в один прекрасный день зов Бога; в моем случае это был зов гор. Каждую

ночь мне снится один и тот же сон: я взбираюсь на заснеженные вершины, вокруг абсолютная тишина — полный восторг, с ума сойти! Так почему бы не перейти от снов к реальности, почему не освоить эту премудрость?

— Здесь нет явного противоречия, — проговорил Шамир и, видя недоумение Сьюзи, объяснил: — Я говорю о зове Бога и о зове гор. Просто Бог более молчалив, а горы полны звуков: то это глухое ворчание, то оглушительный треск, то ужасающее завывание ветра...

— Я бы предпочла безмолвие. Когда мы могли бы начать?

— Мисс...

— Бейкер. Но вы называйте меня Сьюзи.

— Я поднимаюсь в горы именно в поисках одиночества.

— Можно оставаться в одиночестве, даже когда рядом другой человек. Я не болтлива.

— За год не стать опытной альпинисткой, разве что станете тренироваться круглые сутки...

— Вы меня еще не знаете. Когда я за что-то берусь, меня ничто не остановит. Таких упорных учеников, как я, у вас еще не было.

Освоение скалолазания стало для нее наваждением. Не найдя более убедительных доводов, она предложила ему денег, чтобы он смог как-то улучшить свою жизнь — например привести в порядок свой домик, явно нуждавшийся в ремонте. Шамир перебил ее, дав первый урок, — она сочла эти его

слова началом обучения, на самом же деле то был простой совет: на крутом склоне необходимо спокойствие, самообладание, умение воздерживаться от лишних жестов. Полная противоположность ее манере!

Провожая ее к двери, он пообещал, что подумает и непременно с ней свяжется.

Когда она спускалась по ступенькам крыльца, он задал ей вопрос: почему он? Ему требовался искренний ответ, а не лесть.

Сьюзи обернулась и долго на него смотрела, прежде чем ответить:

— Все решила ваша фотография в блоге. Мне понравилось ваше лицо. Я привыкла доверять своему инстинкту.

Ничего к этому не прибавив, она зашагала прочь.

Уже назавтра она явилась за ответом. Загнав машину на подъемник в автомастерской, где трудился Шамир, и справившись у хозяина, где его найти, она решительным шагом направилась к смотровой яме: там Шамир менял масло в старом «кадиллаке».

— Что вы здесь делаете? — спросил он, вытирая руки о комбинезон.

— А вы как думаете?

— Я же сказал, что подумаю и перезвоню.

— Я заплачу за подготовительный курс сорок тысяч долларов. Если вы согласитесь натаскивать

меня в выходные, по восемь часов в день, на это уйдет в общей сложности восемьсот тридцать два часа. Я знаю альпинистов, которые поднимались в горы, имея даже меньше опыта. Сорок долларов в час — заработок врача-терапевта. Платить вам я буду каждую неделю.

— Чем вы занимаетесь, мисс Бейкер?

— Сначала я потратила много времени на бесполезную учебу, потом работала у антиквара, пока его приставания не стали слишком настойчивыми. С тех пор я нахожусь в поисках себя.

— Иными словами, вы — папина дочка, не знающая, как убить время. У нас с вами мало общего.

— В прошлом веке буржуа задирали нос перед рабочими, а теперь все наоборот, — ответила она резкостью на резкость.

Шамир недоучился — не хватило денег. Сумма, которую Съюзи была готова отвалить за уроки альпинизма, многое изменила бы в его жизни. Но он никак не мог разобраться, нравится ли ему эта напористая и самоуверенная девчонка или она его раздражает.

— Я не привык выносить поспешные суждения о людях, мисс Бейкер. Просто я механик, и разница между нами очевидна: для меня работа — каждодневная необходимость. К тому же меня могут уволить за то, что я болтаю с хорошенькой женщиной, вместо того чтобы менять масло в машине. Это было бы крайне неприятно.

— Мы с вами не просто болтаем. А за комплимент спасибо.

— Я позвоню вам, как только приму решение, — отрезал Шамир и спрыгнул обратно в яму.

Свое обещание он выполнил в тот же вечер. Как обычно, он ужинал в заведении быстрого питания в двух шагах от автомастерской. Разглядывая содержимое своей тарелки, он набрал номер Сьюзи Бейкер и назначил ей встречу в субботу в 8 часов утра в спортивном комплексе в дальнем пригороде Балтимора.

На протяжении полугода они посвящали все выходные лазанию по бетонной стене. Потом Шамир стал возить Сьюзи на настоящие скалы. Она не солгала: его не переставала изумлять ее решимость. Она никогда не поддавалась усталости. Когда ноги и руки начинали так болеть, что любой на ее месте отказался бы продолжать, она только усиливала хватку.

Когда Шамир объявил, что она готова к первой вылазке в настоящие горы и что, дождавшись наступления лета, он поведет ее на штурм главной вершины Колорадо, Сьюзи на радостях пригласила его на ужин.

Если не считать нескольких совместных походов в закусочные в дни обучения, это была их первая совместная трапеза. В тот вечер Шамир поведал ей о своей жизни, о том, как приехали в Америку его родители, об их скромной жизни, о жертвах, на которые они пошли ради того,

чтобы он получил образование. Сьюзи не стала рассказывать о себе сверх того, что он и так знал: она живет в Бостоне и тратит все выходные на тренировки под его руководством; новостью стало сообщение о намерении покорить на будущий год гору Монблан.

Шамир уже пытался совершить восхождение на вершину Монблана, когда выиграл годом раньше университетский конкурс и разжился деньгами на поездку в Европу. Но в тот раз гора ему не покорилась: ему пришлось повернуть назад, когда до вершины оставалось несколько часов пути. Он все еще не избавился от чувства горького разочарования и успокаивал себя тем, что вернулся в лагерь вместе с товарищами живым и невредимым. Монблан часто губил тех, кто проявлял упорство.

— Вы говорите о горах так, словно у них есть душа, — сказала она ему под конец ужина.

— В это свято верит каждый альпинист. Надеюсь, и вы теперь тоже.

— Вы бы туда вернулись?

— Если бы нашел средства, вернулся бы.

— Шамир, я хочу сделать вам непристойное предложение: давайте, когда закончится мой учебный курс, я сама вас туда отвезу.

Шамир полагал, что Сьюзи еще не достигла уровня, позволявшего подступиться к Монблану. К тому же на такое путешествие пришлось бы изрядно потратиться. Поэтому он с благодарностью отклонил ее предложение.

— Меньше чем через год я совершу восхождение на Монблан — либо с вами, либо без вас! — заявила Сьюзи, вставая из-за стола.

Сразу после их сближения в Колорадо с поцелуями на вершине пика Грейс Шамир отказался принимать у нее плату за инструктаж.

Следующие полгода Сьюзи не давала ему покоя своей навязчивой идеей — покорением высочайшей точки Европы.

Как-то ноябрьским утром у Шамира со Сьюзи единственный раз вышла ссора. Вернувшись домой, он застал ее сидящей по-турецки на полу в гостиной перед расстеленной картой. Ему хватило брошенного мельком взгляда, чтобы узнать очертания горного массива, по которому Сьюзи провела красным карандашом маршрут восхождения.

— Ты еще не готова, — повторил он, наверное, в сотый раз. — Ну почему ты не можешь наконец оставить эту нелепую идею, втемяшившуюся тебе в голову!

— Потому что не могу! — отрезала она и сунула ему под нос два авиабилета. — Мы вылетаем в середине января.

Он бы и летом не осмелился пойти с ней на штурм Монблана, в январе же и подавно. Сьюзи пыталась его убедить, что в разгар сезона Монблан становится туристической Меккой, а она мечтает забраться на эту вершину только с ним вдвоем. Она несколько недель разрабатывала маршрут и теперь представляла его в мельчайших подробностях.

Шамир дал волю своему негодованию. На высоте 4800 метров содержание кислорода в воздухе уменьшается вдвое, у тех, кто рискнет подняться на такую высоту без надлежащей подготовки, начинается головная боль, тошнота и головокружение, ноги становятся ватными. Зима — сезон для опытных альпинистов, до которых Сьюзи еще далеко.

Но упрямица твердила свое:

— Мы пройдем через Дом-дю-Гуте к вершинам Бос. В первый день мы доберемся до станции Ни-д'Эгль. Оттуда шесть, от силы восемь часов пути до приюта Тет-Рус. На рассвете доберемся до Домского перевала, оттуда пойдём к стоянке Валло. 4362 метра — это высота пика Грейс. Обещаю, отсюда мы повернем назад, если погода не позволит идти дальше. Потом — Гранд и Птит Бос, — продолжала она, все больше приходя в возбуждение и тыча в красный крестик на карте. — Наконец, скала Турнет — и сама вершина. Фотографируемся там — и вниз. Вершина, о которой ты всегда мечтал, покорится тебе!

— Я мечтал сделать это совсем не так, Сьюзи, не рискуя понапрасну. Мы обязательно совершим восхождение на Монблан — но только тогда, когда у меня будут средства, чтобы самому повезти туда тебя. Даю слово! А этой зимой — нет: это было бы самоубийством.

Но Сьюзи и не думала отступать.

— А если с той самой минуты, когда мы впервые поцеловались на вершине пика Грейс, я мечтаю

о том, чтобы на вершине Монблана ты сделал мне предложение? А если для меня самое лучшее время для этого — январь? Разве это не важнее твоих дурацких метеорологических соображений? Ты все портишь, Шамир, я просто хотела...

— Я еще ничего не испортил, — пробормотал он. — Ты все равно всегда добиваешься своего. Хорошо! Но учти, с этой минуты я ни разу не дам тебе передохнуть. Каждый свободный момент должен быть посвящен подготовке к этому безумию. Ты должна подготовиться не только к восхождению на эту гору, гораздо более коварную, чем кажется, но и к тамошнему климату. Ты даже не представляешь себе, что значит попасть в ураган на такой высоте!

Теперь Шамир вспоминал каждое слово, произнесенное тогда, в тепле его дома в Балтиморе, стараясь не думать о боли, которую причиняли острые иглы инея, впиваясь ему в лицо.

Ветер крепчал с каждой секундой. Сьюзи, находившаяся в каких-то пятнадцати метрах от него, казалась всего лишь тенью — так свирепствовал накрывший их снежный буран.

Нельзя было поддаваться страху, потеть: испарина на высокогорье смертельно опасна. Пот обволакивает кожу и при снижении температуры тела замерзает.

Еще больше его тревожило то, что Сьюзи идет первой в связке: ведь это он наставник, а она уче-

ница. Но она отказывалась двигаться медленно и уже час назад опередила его. Стоянка Валло осталась далеким воспоминанием. Оттуда надо было отправиться вниз, а не вверх! День уже померк, когда они решили продолжить подъем и сунулись в этот головокружительный проход.

Сквозь рваную снежную пелену, вздымаемую ветром, он заметил, как Сьюзи машет ему. Между двумя альпинистами в связке принято соблюдать безопасное расстояние в 15 метров, но Сьюзи наконец-то сбавила шаг, и Шамир рискнул забыть о правилах и приблизиться к ней. Дождавшись его, она крикнула ему в ухо, что уверена: она видит впереди скалы Турнет. Если им удастся до них добраться, то можно будет передохнуть, прижавшись к отвесной стене.

— Не доберемся, слишком далеко! — крикнул Шамир.

— У тебя есть предложение получше? — спросила Сьюзи, дергая за веревку.

Шамир пожал плечами и обогнал ее.

— Не иди прямо у меня за спиной! — приказал он ей, втыкая в снег ледоруб.

И почувствовал, что под ледорубом нет опоры. Зная, что уже поздно, он все же обернулся, чтобы предупредить Сьюзи об опасности.

Веревка натянулась, Сьюзи швырнуло вперед, и она, пытаясь сопротивляться, но не в силах помешать неизбежному, полетела следом за Шамиром в расщелину, разверзшуюся у них под ногами.